

Natalia BRAGINSKAYA
About Igor Stravinsky's visit
to Leningrad in 1962

Interview with E. Stravinskaya
and V. Stepanov

Наталья БРАГИНСКАЯ
**О визите Игоря Стравинского
в Ленинград в 1962 году**

Интервью с Е. Стравинской
и В. Степановым

Вместо предисловия

В канун 130-летия И.Ф. Стравинского, в начале июня 2012 года, я получила письмо от британского музыковеда, автора двухтомной документальной биографии Стравинского, Стивена Уолша (Stephen Walsh)¹. Он писал, что его друг, британский журналист Энди Картрайт (Andy Cartwright), готовит передачу о Стравинском на *Sound-Scape-Radio* и хотел бы обратиться с несколькими вопросами к внучатой племяннице композитора, живущей в Петербурге. По просьбе Стивена я встретилась с Еленой Алексеевной Стравинской и ее супругом Всеволодом Петровичем Степановым и выступила в роли интервьюера, задав вопросы «от английского радиожурналиста», на которые они любезно согласились ответить.

— Помните ли Вы приезд Стравинского в СССР?

Е.А. Да, разумеется.

— Вы виделись с ним?

Е.А. Да, мы встречались. В первый раз — в ленинградском аэропорту Пулково, куда Игорь Федорович прилетел из Москвы 4 октября 1962-го.

В.П. Мы с Еленой Алексеевной поехали туда, захватив фотоаппарат. Но на месте выяснилось, что пленка почти закончилась, и мы успели сделать только один снимок: Стравинский появляется на трапе самолета

Е.А. Стравинская. Фото Е. Чилингири

и снимает шляпу, приветствуя группу встречающих. Это фото есть в книге матери Елены Алексеевны, Ксении Юрьевны².

Е.А. Тогда, в Пулково, на наших глазах Игорь Федорович очень тепло встретился с Владимиром Николаевичем Римским-Корсаковым... А через несколько дней, 7 октября, Игорь Федорович был у нас в гостях. Мы жили в том самом доме № 6 по Крюкову каналу (где когда-то рос сам Игорь Федорович), но только в другой квартире, ранее принадлежавшей дирижеру Мариинского театра Эдуарду Направнику. Теперь это была так называемая «коммуналка», в которой семейству Стравинских принадлежали лишь две комнаты, а другую часть квартиры занимали чужие люди. Мы не хотели посвящать имени-тых гостей в эти обстоятельства. Поскольку с соседями удалось договориться, и их не было дома, Игорь Федорович пребывал в уверенности, что вся квартира принадлежит нам, и эта тема не обсуждалась.

С нашей стороны были в тот вечер: моя мама Ксения Юрьевна, ее супруг Александр Александрович [Яковлев], мой двоюродный брат Рома Добротин (сын Татьяны Юрьевны Стравинской, которая гостила у дяди Игоря в Ницце в 1925-м), я и мой супруг Сева (Всеволод Петрович). Вместе с Игорем Федоровичем к нам пришли Вера Артуровна, Роберт Крафт и, немного позже, — переводчица Александра Александровна Афолина. На самом деле,

¹ Walsh S. Stravinsky. A Creative Spring: Russia and France 1882–1934. L.: Pimlico, 2002. 698 p.; Stravinsky. The Second Exile: France and America 1934–1971. L.: Pimlico, 2007. 709 p. Во время визита в Петербург в 2010 г. С. Уолш подарил экземпляр двухтомника Санкт-Петербургской консерватории (ныне хранится в Иностранном отделе Научной музыкальной библиотеки Санкт-Петербургской консерватории).

² Стравинская К.Ю. О Стравинском и его близких / Общ. ред. и вступ. ст. В.В. Смирнова. Л.: Музыка, 1978. 232 с. — Прим. Н. Брагинской.

И. Ф. Стравинский на трапе самолета в аэропорту Пулково 4 октября 1962 года. Фото Е. А. Стравинской

переводчица нужна была только Крафту, без нее он скушал, так как совсем не мог участвовать в общей беседе. Когда выяснилось, что у меня как раз 7 октября день рождения, он пошутил: «Восемнадцать?! [sic!]». (Мне исполнилось тридцать лет в тот день). Это было единственное слово, которое Крафт произнес по-русски. Все разговоры за столом велись на русском. Игорь Федорович говорил прекрасно, безупречно, не считая разве что одной фразы: «Мне на юбилей подарили очень большое телевидение!»

Казалось, что к нам пришел человек, буквально пропитанный атмосферой семьи Ксении Юрьевны. Как будто не было пятидесяти лет отсутствия в родной стране, в родном городе! Настолько прочно сохранялся в нем дух старого петербургского прошлого, вплоть до оборотов речи, характерных и для моей мамы.

— Каким Вам запомнился Игорь Федорович?

Е. А. Он был веселый, живой, жизнерадостный, улыбчивый.

В. П. Помню одну деталь, касающуюся его восприятия звучащего мира. При нас Ксения Юрьевна накрывала на стол; звякнул бокал, на что Игорь Федорович заметил: «У меня очень чуткое ухо, я остро реагирую на всякие звуки, не только музыкальные...»

— Ксения Юрьевна часто вспоминала о визите? Волновалась ли она перед встречей с дядей?

Е. А. Мама волновалась перед приездом Игоря Федоровича. В своей книге она пишет, что когда ждала

дядю, то не знала, какой он. Ее пугало, что дядя знаменит. Но Стравинский сразу оказался таким родным, своим, близким — был бесконечно прост и обаятелен! Так что, уже через несколько дней мама почувствовала, будто знает его очень давно.

— Как композитор и его супруга воспринимали Ксению Юрьевну?

Е. А. Игорь Федорович сразу привязался к маме, еще в Москве, до того, как появился в Ленинграде, и не отпускал ее от себя. Он относился к Ксении Юрьевне с большой нежностью, очень по-родственному, по-семейному уютно. Ведь моя мама была для Игоря Федоровича единственным близким человеком из прошлого, из того дорогого ему мира. Что касается Веры Артуровны, в объятия друг к другу они с мамой не бросались, но это было ровное, дружеское общение.

— Известно ли Вам, о чем беседовала Ваша мама с Игорем Федоровичем наедине?

Е. А. Все, что происходило, в основном происходило прилюдно. Мы не знаем, о чем они беседовали тет-а-тет, но могу сказать, что много времени Игорь Федорович и мама проводили за семейными фотоальбомами, очень подробно их рассматривали. В своей книге Ксения Юрьевна пишет, что Игорь Федорович с большим интересом расспрашивал ее обо всех членах семьи, рассказывал о своих детях.

Санкт-Петербург, 4 июня 2012 года